

УДК 94(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-65-69

**МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАХАНОВЦЕВ БССР
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х – НАЧАЛО 1940-х гг.)****канд. ист. наук А.А. СУББОТИН***(Витебский государственный технологический университет)***ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9012-5303>**

Стахановское движение, зародившееся в середине 1930-х гг., стало ключевым явлением советского периода, оказало существенное влияние на экономику и общественную жизнь, а также сформировало новый тип передовиков, образ которых прочно закрепился в исторической памяти общества. В статье анализируются ценностные ориентации участников стахановского движения, характер восприятия передовиками времени и пространства, человека и коллектива, особенности трудовой этики и политической культуры, которые в целом стали основой для формирования устойчивых мотивов трудового энтузиазма. Автор делает вывод о том, что стахановцы представляли собой особый социальный феномен, максимально вобравший в себя типичные черты советского трудящегося и ставший результатом активной идеологической работы со стороны государства, партии и комсомола.

Ключевые слова: стахановское движение, стахановцы, БССР, труд, энтузиазм, социалистическое соревнование.

Введение. Одной из самых характерных форм социалистического соревнования, безусловно, является стахановское движение, зародившееся в СССР в середине 1930-х гг. и ставшее наивысшим проявлением трудового энтузиазма. На современном этапе развития белорусского общества стахановское движение не сохранило себя в тех формах, в которых оно существовало во время второй и третьей пятилеток, но заложило традиции почитания лучших представителей производственной и непроизводственной сфер, а также сформировало положительные примеры для подражания в повышении производительности труда. Помимо экономических вопросов, исследование стахановского движения требует детального изучения проблемы ценностных ориентаций, которые лежали в основе трудового энтузиазма стахановцев.

Целью данной статьи является определение особенностей мотивации трудовой деятельности стахановцев БССР второй половины 1930-х – начала 1940-х гг.

Основная часть. Важным стимулом активной производственной деятельности людей можно считать побуждение их к труду, когда в процессе поощрения на первое место выдвигаются моральные факторы, а стремление к совершенствованию производства обуславливается теми социальными нормами и ценностями, которые устойчиво закрепились в обществе [1, с. 200; 2, р. 74]. В процессе развёртывания стахановского движения отмеченные обстоятельства трудовой деятельности стали её доминантным мотивом, так как производственный энтузиазм стахановцев являлся прежде всего результатом установленной модели социальных отношений и идеологической работы в советском обществе. Эти факторы сильно повлияли на становление специфического способа мышления человека того времени и его жизненных установок, которые, в свою очередь, предопределили характер социального поведения и активную общественную позицию передовиков.

Рассмотрим особенности ценностных ориентаций, пространственно-временных представлений, восприятия общества, трудовой этики и стереотипов поведения, нашедших своё отражение в энтузиазме стахановцев и определявших их отдельный социальный тип.

В интенсивной ломке старых производственных норм у стахановцев складывались мотивы коренной перестройки экономики, под которой понималась и ломка всего старого, что существовало в обществе. Такие стремления обуславливались наличием у рабочих и колхозников соответствующих пространственно-временных представлений, ставших основой для подъёма трудового стахановского энтузиазма. В частности, время становится составной частью системы ценностей советского общества. Рабочие и колхозники считали идеальным максимальное его заполнение трудовой деятельностью при выполнении производственных обязанностей. В таких условиях важной и знаковой считалась каждая минута, которую нужно было использовать с максимальной степенью эффективности. Такие черты временных представлений вылились в стахановском энтузиазме в метод уплотнения рабочего дня. Например, на кондитерской фабрике “Коммунарка” стахановка М. Цигельницкая, которая специализировалась на завёртке этикеток в карамельном цехе, 13 октября 1935 г. уплотнила своё рабочее время, освободив его от лишних хождений за этикетками благодаря предварительной организации рабочего места, а именно за счёт подготовки необходимых материалов. В результате работница смогла максимально использовать каждую минуту во время своей смены и перевыполнить план в несколько раз [3, с. 34]. Стахановец-дрожжевар Т. Кулешов обосновал повышение производительности труда именно своим отношением к рабочему времени. “Я ничего нового не придумал, – утверждал стахановец, – я лишь уплотнил свой рабочий день, не теряя ни минуты, относясь весьма внимательно и вдумчиво к своей работе” [4, с. 45–46]. Приведённые примеры свидетельствуют, что ценностные отношения стахановцев ко времени в виде уплотнения своего рабочего дня как средства совершенствования производства подталкивали к инициативе новой организации процесса трудовой деятельности, создав тем самым благоприятные условия для совершения новых рекордов.

С данным восприятием времени тесно переплетались соответствующие представления трудящихся о пространстве, которое предстояло освоить быстрыми темпами для создания развитой экономической сферы и нового

типа общества [5, с. 54]. Такая черта пространственного воображения, безусловно, приводила и к совершенствованию труда: прежде всего, это отразилось в преобразовании самого близкого пространства, непосредственно связанного с выполнением индивидуальных производственных обязанностей. При рассмотрении особенностей восприятия времени нами было замечено, что главным фактором совершения стахановских рекордов была именно качественная подготовка трудящимися своего рабочего места. Такое восприятие пространства являлось лишь самым первичным его проявлением, потому что в более широком смысле стремление к пространственным преобразованиям предусматривало, по представлению трудящихся, коренные изменения не столько на своём рабочем месте, сколько во всей хозяйственной единице, где они работали. Такая специфика отношения к пространству предопределялась привязанностью к тому предприятию или хозяйству, где выполнялись производственные обязанности, и соответствующей заинтересованностью сделать свой завод или колхоз лучше других. Так, в большинстве высказываний людей, включавшихся в стахановское движение, наблюдалось ощущение единства со своим местом работы и стремление показать подлинность таких отношений через примеры конкретного трудового поведения. Например, стахановец И. Трацевский определил в качестве главных условий своего энтузиазма любовь к предприятию: “Я полюбил завод, я горел желанием работать на заводе” [4, с. 27]. Гордость за своё предприятие можно заметить в выступлении стахановца Славкина (Минская чулочная фабрика): “Вырабляем 175% нормы. Гэта кажа аб тым, што наша маленькае прадпрыемства можа нараўне з усімі гігантамі прамысловасці змагацца за хуткія тэмпы і высокую прадукцыйнасць”¹. А стахановка П. Перцова (Льозненский район) вспоминала, что новые методы работы заинтересовали её после того, как сельсовет, в котором работала знаменитая льнотрепальщица С. Быковская, после совершения последней нового трудового рекорда попал на красную доску. В свою очередь, у Перцовой возникло желание, чтобы и её сельсовет, который был в то время на чёрной доске, попал на доску красную². В отмеченных случаях, как видим, в социально-психологическом облике стахановцев ярко проявилось выделение знаковости пространства своего предприятия или региона, что стало основанием для его совершенствования. У трудящихся складывалось стремление после преобразования своего микропространства, а именно своего рабочего места, или после достижения своих трудовых подвигов сделать идеальным пространство и всего трудового коллектива.

Пространственное понимание рабочих не ограничивалось представлениями о преобразовании только пространства своей производственной единицы, так как в системе их ценностей присутствовало мнение, что их социальное пространство – это и часть пространства всего СССР. Пространственные структуры приобретали характер неограниченности, большого масштаба, отсюда и все энтузиастские проявления назывались передовиками вкладом в совершенствование всей страны. Это повлияло на стахановскую активность, где безграничность пространственной среды побудила к такой же неограниченной реализации своего трудового потенциала. Такое пространственное восприятие наблюдается, например, в выступлениях знаменитых стахановцев Н. Гимпельштейна и Л. Левина, где отмечалось, что их стахановский энтузиазм сделает СССР состоятельным и культурным [6, с. 41; 7, с. 13]. А стахановка В. Власенко (колхоз “1 Мая”, Мстиславский район) в своих воспоминаниях определяла по поводу своего героического труда следующее: “Приходилось лишаться в личной жизни ради своевременной поставки качественной животноводческой продукции, в которой так остро нуждалась страна”³.

Ключевым элементом ценностей советского общества являлась положительная оценка труда. В условиях модернизации характерное для традиционного общества определение труда как способа обеспечения жизни, религиозного воспитания перерастало под влиянием социалистических идей в средство экономического прогресса, труд для человека приобретал определённый престиж и виделся им не как олицетворение эксплуатации, а как возможность своей самореализации. Те рабочие и колхозники, которые стали стахановцами, всегда указывали на труд как на высшую ценность. Стахановец Шульман (Минский станкостроительный завод имени Кирова), например, отмечал: “Праца ў нас з’яўляецца справай гонару, справай славы, справай доблесці і геройства” [6, с. 25]. Знаменитая стахановка Т. Зубарева из Могилевского района вспоминала: “Работать на общую пользу, знать, что твой труд принесёт людям добро, гордиться высокой общественной оценкой труда – это настоящее счастье. Оно вдвое дороже потому, что мы его завоевали в борьбе со многими трудностями”⁴.

В ракурсе ценностного отношения к труду со стороны рабочих и колхозников, в условиях появления новой техники на хозяйственных единицах возникает и его рациональное восприятие, когда положительные результаты в трудовой деятельности всё меньше отождествляются с тяжёлыми физическими нагрузками или затратой больших физических сил на выработку определённой продукции, а рассматриваются как результат качественной организации производственного процесса, основанного, прежде всего, на выявлении новых возможностей технического оборудования. Для примера, стахановка Турецкая с Минской швейной фабрики “Октябрь” таким образом видела новые способы сделать работу лучше: “Стаханавіцкі метад, на маю думку, не на фізічнай сіле грунтуецца. Некаторыя таварышы лічаць, што тут сілай націснуць трэба. Але тут справа не ў сіле, а ў добрай арганізацыі працы”⁵. Так, в условиях перехода к индустриальному обществу у трудящихся постепенно исчезает характерное

¹Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4409. Л. 14.

²Прамова тав. П. Н. Пярцовай // Звязда. – 1935. – 20 снеж. – С. 2.

³ Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАОМО). – Ф. 6115. Оп. 1. Д. 403. Л. 11.

⁴ ГАОМО. – Ф. 6115. Оп. 1. Д. 417. Л. 12 об.–13.

⁵ Ротміль, М. Справа не ў фізічнай сіле, а ў арганізацыі працы / М. Ротміль // Звязда. – 1935. – 18 кастр. – С. 3.

для традиционного общества представление о труде как о деятельности исключительно физического характера и формируются новые, творческие подходы к его организации, связанные с техническими возможностями предприятия и правильным их использованием. Такие изменения в восприятии труда и становятся по сути базовыми в изобретении новых стахановских методов, показывающих, что наряду со складыванием индустриального общества шло складывание и соответствующей индустриальной психологии, что в советском варианте проявилось в активном участии в социалистическом соревновании.

В процессе подобной трансформации восприятия труда его традиционная интерпретация как христианского самосовершенствования приобретала в советских условиях форму высоких моральных принципов профессиональной деятельности. Так, с точки зрения стахановцев, немаловажную роль в их производственных успехах играло именно добросовестное отношение к своему делу, а моральный фактор при восприятии труда проявился не только в качественном выполнении рабочими и колхозниками своих обязанностей, но и в совершенствовании методов трудовой деятельности. Один из передовиков совхоза “Крынки” Витебского Союзмолтреста говорил: “Сакрэт нашых поспехаў – вывучэнне сваёй справы, любоўныя і беражлівыя клопаты пра жывёлу і тэхніку”⁶. Стахановка Гузаревич с Речицкой спичечной фабрики “X Октябрь” определила, что тщательный уход за станками оказал большое влияние на перевыполнение ею норм выработки⁷. Хорошее знание специфики профессии и любовь к своей работе отмечала как фактор стахановского энтузиазма и работница Г. Куписюк с Могилевской шёлковой фабрики имени Куйбышева: “Я зраднілася з шоўкам. Выраб шаўковай ніткі, адбелка, сартаванне – усё гэта працэсы мне добра знаёмыя”⁸.

В деятельности стахановцев проявил себя определённый индивидуализм, когда они видели знаковость своего почётного статуса “знатного человека” в обществе и придавали большое значение своим производственным успехам. Можно говорить о том, что у группы стахановцев прочно закрепились представления о своём месте в социальной структуре, и они точно идентифицировали себя с самыми лучшими трудящимися, имеющими выдающейся личные, общественные и профессиональные качества [8, с. 225; 9, с. 158]. Например, корреспондентами газеты “За торф” стахановцам торфозаводов БССР был задан вопрос: “Які ваш самы радасны дзень?”. На что передовики дали следующие ответы: “Калі заваяваў першы рэкорд і аб гэтым загаварыла грамадскасць”, “Дзень рэкорда пры выпрацоўцы флянсаў”, “Рэкорд у час стаханаўскай змены”⁹. Ещё один из передовиков торфяной промышленности Беларуси Ф. Зубов (Гомельский торфозавод “Большевик”) отмечал насчёт своего полученного статуса следующее: “В прошлом году я получил звание знатного стахановца БССР. Этим званием я горжусь, но на этом не успокаиваюсь, я хочу быть и в дальнейшем лучшим бригадиром торфозаводов БССР”¹⁰.

Полученные почётные статусы “знатных людей”, как мы заметили, определялись коренными изменениями в самосознании тех передовиков, которые стали их носителями, и новым восприятием ими своего места в трудовом коллективе, когда они считали знаковым событием в своей жизни совершённые ими производственные рекорды и видели, что эти рекорды стали фундаментом для их социального превосходства над остальными трудящимися. На основе этого стахановцы начали определённым образом выделять себя в отдельную категорию, отличающуюся от других людей труда. Последнее ярко подтверждает пример, когда стахановки Осиповичского стекольного завода “Октябрь” при обсуждении проекта Конституции СССР предложили внести в неё отдельную статью, которая касалась бы социального и политического положения стахановцев¹¹. С другой стороны, осознанная индивидуальность стахановцев сформировалась в рамках коллективистских традиций, что были заложены в советском обществе, когда отдельный трудовой подвиг воспринимался рабочими и колхозниками как часть деятельности всего трудового коллектива. Так, например, в тексте социалистического обязательства, которое приняли стахановки Толочинского района в начале 1936 г., очень часто встречается местоимение “мы”, а потом в самом конце – местоимение “я”, что отражало уже задачи отдельно взятой стахановки¹². Подобную же коллективистскую особенность стахановского энтузиазма можно было наблюдать в частушке стахановок из колхоза “Асвета” Кличевского района:

Паравоз пару пускае,
Па дарожаньцы бяжыць,
Будзем разам мы, дзяўчаты,
Па-стаханаўску рабіць¹³.

Выделение трудящимися своих персональных производственных успехов как составной части осуществления общей цели приводило к возникновению истинного духа состязания, когда на основе стахановских достижений происходило не только повышение социального статуса рабочих или колхозников, но и в их сознании формирова-

⁶ Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 932. Оп. 1. Д. 349. Л. 52.

⁷ НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4586. Л. 40.

⁸ Куписюк, Г. Мiane выхавала партыя / Г. Куписюк // Звезда. – 1935. – 23 лістап. – С. 2.

⁹ НАРБ. – Ф. 277. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.

¹⁰ Зубов, Ф. Как мы работаем / Ф. Зубов // Рабочий. – 1936. – 30 мая. – С. 3.

¹¹ Зональный государственный архив в городе Полоцке. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 93. Л. 417.

¹² ГАВО. – Ф. 85. Воп. 2а. Спр. 25. Л. 41.

¹³ Частушкі калгаснай вёскі // Звезда. – 1936. – 24 мая. – С. 3.

лось стремление быть лучшими для того, чтобы сделать как можно больший вклад в повышение темпов производства своего трудового коллектива в целом. О большом порыве производственного энтузиазма и высокой степени состязательности между стахановцами свидетельствуют следующие слова известного в БССР стахановца Г. Скобло: “За апошні час я павышаю выпрацоўку з дня ў дзень ... Зменшчык мой – Фейдэман – гоніць мяне па пятах. Але ж я ўпэўнены ў сабе – не дагоніць”. Кроме духа персонального состязания в речи стахановца ярко ощущается и атмосфера состязательности между коллективами: “У нас з’явіўся моцны канкурэнт – закройны цэх. Але мы не здаёмся”¹⁴. Энтузиастский порыв социалистического соревнования среди рабочих был отражён, например, и в рассказе стахановца Г. Рушко: “Будучи в доме отдыха, услышав, что мои показатели 328% перекрыл Поздняков, давший 496,3% плана, я вернулся на сутки, перекрыл показатели Позднякова, дал 657,4% плана, заработал 46 рублей 28 копеек за смену и так сохранил за собой авангардную роль комсорга смены”¹⁵.

Таким образом, коллективизм как характерная черта сознания трудящихся советского периода становится основой для развёртывания стахановского движения, а его участники в самой высокой степени проявляли преданность общим интересам как своих трудовых коллективов, так и общества в целом.

В рамках отмеченной черты сознания важным стимулом стахановского энтузиазма как раз и становится моральное поощрение трудящихся, когда за высокие производственные показатели рабочие и колхозники получали символическое признание своей знаковой роли в жизнедеятельности общества со стороны государства, через что закрепляли свой высокий социальный статус. Моральное поощрение находило своё отражение прежде всего в государственных наградах различных уровней. Например, орденом Трудового Красного Знамени был награждён стахановец А. Лучковский (спичечная фабрика “Везувий”)¹⁶, орденом Ленина получили участник стахановского движения с Полоцкого хлебозавода Будько¹⁷ и одна из лучших стахановок Гомельщины Лешкова¹⁸. Всего по республике за 1935–1937 гг. орденом Ленина было награждено 11 стахановцев, орденом Красного Знамени – 15 стахановцев, орденом Трудового Красного Знамени – 8, орденом “Знак Почёта” – 38¹⁹. Кроме этого, формами поощрения стахановцев со стороны государства становятся почётные грамоты и ценные подарки. Так, к празднику 8 марта в 1936 г. грамотами ЦИК и СНК БССР было награждено 125 женщин-стахановок²⁰. Стахановец Г. Басов (Витебское паровозное депо), например, получил в подарок от руководства республики именные часы²¹.

Стахановцы с подачи власти выступали в обществе в качестве самых надёжных с политической точки зрения представителей трудящихся, что выразилось в активном продвижении их на ответственные хозяйственные и государственные должности, демонстрации на их примере идеальных моделей поведения в общественно-политической жизни. С другой стороны, можно считать, что у этих трудящихся сложилась характерная для советского времени политическая культура, включавшая в себя соответствующие представления о власти, отношения к политической системе и её институтам [10, с. 46]. В сознании рабочих и колхозников произошла трансформация традиционного восприятия власти, когда прежние формы христианских представлений о богоизбранной монархии заменялись представлениями о советской форме государственности как справедливой власти, признанной народом. При этом в конце 1920-х – 1930-е гг. центральное место среди политических ценностей начинает отыгрывать культ Сталина, который благодаря средствам агитации и пропаганды виделся трудящимися в качестве ключевого фактора всех успехов страны. Складывание культа личности Сталина было предопределено формами социальных отношений и ценностных ориентаций населения, которые сложились ещё в досоветское время и характеризовались отсутствием в жизненном опыте людей общественной независимости, а также личной свободы [11, с. 372; 12, с. 14]. На основе этого у трудящихся возникала необходимость отражать свои интересы и устремления через политическую волю харизматичного лидера страны, а их личные успехи ставились в заслугу его деятельности.

В этом смысле производственная активность рабочих и колхозников через участие в стахановском движении была значительно проникнута их верой в определяющую роль Сталина и созданной под его руководством политической системы во всех достижениях общества. Такое отношение к образу Сталина проявлялось, например, в сильном эмоциональном восприятии стахановцами личных встреч с ним. Например, стахановка Н. Гаврилова (колхоз “Победа” Шкловского района) так рассказывала о приёме стахановцев в Кремле: “Когда вошёл Сталин, что делалось со мной, я не помню. Несколько минут мы стояли не в силах удержать восторг, свою радость при виде нашего дорогого, любимого вождя. Мы всматривались в его лицо, в каждую сединку на его голове, чтобы запомнить на всю жизнь”²².

¹⁴ Мы можам даць яшчэ больш // Звезда. – 1935. – 22 кастрыч. – С. 3.

¹⁵ НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9091. Л. 145.

¹⁶ Аб узнагароджанні ініцыятараў стаханаўскага руху ў прамысловасці і транспарце. Пастанова ЦВК СССР // Звезда. – 1935. – 9 снеж. – С. 1.

¹⁷ ГАВО. – Ф. 10061. Оп. 2. Д. 31. Л. 28.

¹⁸ Государственный архив Гомельской области. – Ф. 426. Оп. 1. Д. 267. Л. 27.

¹⁹ НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4445. Л. 12.

²⁰ Аб узнагароджанні ў адзнаку Міжнароднага камуністычнага дня – 8 сакавіка работніц і калгасніц-стаханавак граматамі ўрада БССР : Пастанова ЦВК і СНК БССР // Звезда. – 1936. – 17 крас. – С. 2.

²¹ ГАВО. – Ф. 9742. Воп. 3. Спр. 30. Л. 5.

²² Вот она, сказка наяву // Рабочий. – 1936. – 27 нояб. – С. 3.

Заключение. Таким образом, стахановцев можно определить как отдельный социальный тип нового человека, который через идеологическую работу удалось сформировать государству и партии в советском обществе. Рабочие и колхозники БССР, активно участвовавшие в стахановском движении, максимально отражали характерную для советского времени систему ценностей, которая становится основой мотивации совершенствования труда. В пространственно-временных представлениях стахановцев сложились революционные стремления, согласно которым нужно было рационально использовать рабочее время и быстрыми темпами преобразовывать пространство своей хозяйственной единицы и страны в целом. Важными мотивами участия трудящихся в стахановском движении были восприятие труда как высшей ценности, вера в неограниченные способности человека, чувство коллективизма, преданность интересам советского политического строя и абсолютизация роли личности Сталина в дальнейшем общественном развитии. Для стахановцев также был характерен и индивидуализм, понимание своего своеобразия среди других трудящихся как лиц, способных кардинально изменить социум, что определенным образом вдохновляло к дальнейшему совершению трудового героизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукасен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история: ежегод. / Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Центр эконом. истории при ист. фак., Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Гр. «Социально-экономическая история: экономика и общество». – М., 2002. – С. 194–205.
2. Tilly С. *Work under Capitalism (new perspectives in sociology)*. – Boulder: CO: Westview Press, 1998. – 326 p.
3. Стаханаўцы “Камунаркі”: зб. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
4. Стахановцы спиртовой промышленности БССР: сб. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – 78 с.
5. Осинская О.Н. Время и пространство в политическом менталитете тоталитарного общества (20–30-е гг.) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание / Томск. обл. антифаш. ком. – Томск, 2000. – Вып. 3. – С. 52–54.
6. Радасная праца, радаснае жыццё: стаханаўцы завода імя Кірава: зб. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
7. Стаханаўскім шляхам: стаханаўцы Барысаўскай запалкавай фабрыкі: зб. арт. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
8. Кедров Н.Г. Лапти социализма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. – М.: Полит. энцикл., 2013. – 280 с.
9. Кедров Н.Г. Социальная идентичность крестьянства Русского Севера в 1930-е годы // Рос. история. – 2012. – № 5. – С. 152–161.
10. Павлова И. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. // Вопр. истории. – 2001. – № 1. – С. 46–56.
11. Энкер Б. Культ вождя как социокультурный проект // История сталинизма: итоги Междунар. науч. конф., Москва, 5–7 дек. 2008 г. / Гос. архив Рос. Федерации, Президент. центр Б.Н. Ельцина, Мемориал, Ин-т науч. информации по обществен. наукам; ред.: Е. Ю. Кондрашина [и др.]. – М., 2011. – С. 372–377.
12. Энкер Б. Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением // Весн. МГУ. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 13–24.

Поступила 12.12.2022

MOTIVATION OF THE LABOR ACTIVITY OF STAKHANOVISTS OF THE BSSR (THE SECOND HALF OF THE 1930s. – EARLY 1940s.)

A. SUBBOTIN

(Vitebsk State Technological University)

The Stakhanov movement, which originated in the mid 1930s., became a key event of the Soviet period, had a significant impact on the economy and social life and it also formed a new type of the best workers, whose image is firmly entrenched in the historical memory of society. The article analyzes the value orientations of the participants of the Stakhanov movement, the nature of the perception of time and environment, man and collective by the best workers, features of work ethics and political culture, which generally became the basis for the formation of stable motives of labor enthusiasm. The author concludes that the Stakhanovists were a special social phenomenon that as much as possible absorbed the typical features of the Soviet worker and became the result of ideological work on the part of the state, the party and the Komsomol.

Keywords: *the Stakhanov movement, the Stakhanovists, the BSSR, labor, enthusiasm, socialist competition.*